

Офицерский
Честь и я
роман

*Константин
Попов*

Господа офицеры

*Петр
Лянишевский*

Записки

военного летчика

Офицерский роман. Честь имею

Константин Попов

**Господа офицеры. Записки
военного летчика (сборник)**

«ВЕЧЕ»

2018

Попов К. С.

Господа офицеры. Записки военного летчика (сборник) /
К. С. Попов — «ВЕЧЕ», 2018 — (Офицерский роман. Честь
имею)

ISBN 978-5-4484-7299-2

Повесть «Господа офицеры», написанная капитаном 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка Константином Сергеевичем Поповым, и «Записки военного летчика» лейтенанта Петра Федоровича Ляпидевского – это трагические описания страшных событий Первой мировой и Гражданской войн их непосредственными участниками, которые не оставят равнодушным даже самого строгого читателя.

ISBN 978-5-4484-7299-2

© Попов К. С., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ	6
СОМКНЕМ ШТЫКИ!.	7
БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Константин Попов; Петр Ляпидевский

Господа офицеры.

Записки военного летчика

Знак информационной продукции 12+

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ

Берегите офицера! Ибо от века и до ныне он стоит верно и бесменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть.

Ген. А. И. Деникин

Глубокоуважаемой Анне Отговне Вышинской, супруге высокодоблестного командира лейб-Эриванцев – Евгения Евгеньевича, имя и славная память о котором вечно будет жить в сердцах оставшихся в живых его боевых соратников и таковой же передастся идущим им на смену новым поколениям Эриванцев... Ввиду целого ряда беспримерных по красоте своей страниц, вписанных полком в период его командования в нашу славную полковую историю.

От искренне преданного и сердечно расположенного автора – К. Попова

Булонь о/с

1. V.29 г.

СОМКНЕМ ШТЫКИ! (вместо предисловия)

На дворе льет дождь. Буйный ветер, обрывок циклона свирепствующего уже неделю в Атлантическом океане и Ла-Манше, сотрясает мою мансарду, как бы желая отвлечь мое внимание и нарушить тихую торжественность, охватившего меня, душевного состояния. Напрасно. Я растапливаю печь, поудобнее сажусь в старое кресло, протягиваю ноги, чтобы дать им обсушиться и согреться и начинаю уже чувствовать, как тепло приятно распространяется по всему телу. Я с удовольствием отдаюсь на миг этому чувству, не торопясь достаю свой бумажник и вынимаю из него только что утвержденный устав моего полкового объединения. «Наш Закон», читаю я его краткое и выразительное название... и моя мысль переносится туда, где только что сидели мы, уцелевшие обломки старинного полка Российской армии. Предомной отчетливо встает крупная фигура моего старого доблестного командира, когда-то статного красавца флигель-адъютанта, теперь седого старика – директора крупной американской фирмы, собравшего своих офицеров у себя в кабинете и читающего по пунктам вновь выработанный, предлагаемый на утверждение, устав.

Сосредоточенно суровы лица слушателей, плотно сжаты их губы и не одна морщина залегла глубокой складкой на этих мужественных, гордых челах. Они впитывают в себя отрывистые фразы своего командира, с глубоким чувством и подлинным огнем, произносящего:

– Русское государство и его державное место среди народов мира созидалось в течение тысячелетия под водительством русских князей и царей, творческими силами русского народа, морально нравственными устоями православной церкви и мощью русской армии...

Первый, старейший полк русской армии Z-ский царя Михаила Федоровича, основанный первым Романовым, исполнял свой воинский долг непрерывно в течение почти трех столетий, пронеся через века своего существования незапятнанным свое опаленное в боях и обвеянное победами знамя. Всею своею государственною, трудовую, боевую и мирною работою, всем своим прошлым, полк исторически неразрывно связан с династией Романовых...

Неоднократно отличаемый за подвиги и службу России – царями, полк хранит благодарную память династии и глубокую скорбь о царственных однополчанах, принявших мученический венец: императоре Александре II и императоре Николае II и его семье...

В годы тяжелых испытаний, выпавших на долю нашей Родины, каждый Z-ец, где бы он ни находился, все тот же стойкий носитель долга и чести полка на посту своего исконного служения Великой Родине...

Звание Z-ца обязывает, и в особенности в исключительно трудных условиях современной жизни, сохранить верность традициям полка и передать их нашим потомкам такими же, какими мы приняли их от наших предков...

Одушевленные этими мыслями, нашим славным прошлым, в котором черпаем наши силы, ради сохранения морального наследия, врученного нам историей, – наших традиций, – для дела будущего строительства России, мы, находящиеся в Париже члены Z-ской семьи, собрались ** 192* года и выработали наш закон, правила нашей организации и изложили его в следующих статьях...

Вот они эти краткие, простые и ясные статьи... я любовно перечитываю их раз, другой... и они кажутся мне пределом ясности и почти что физической осязаемости.

Наш Закон уже рисуется мне начертанным на скрижалях, подобных тем, на которых начертаны были заповеди Моисея. И самый стиль и сущность его навевают на меня прекрасный аромат далекого прошлого... и картина за картиной воскресают в моей памяти.

Я вижу себя недавно прибывшим в полк молодым офицером...

Бильярдная комната офицерского собрания постепенно наполняется. Дверь из обширной, неуютной и холодной передней поминутно с шумом отворяется и впускает все новых и новых офицеров, сияющих своей прекрасной формой, безукоризненной выправкой, уверенными движениями и как бы излучающейся из каждого жизнерадостностью молодости. Входящих то и дело шумно приветствуют: «Здорово, Гено! А! Кокор! Рома! Саша! Арчилл!» – или приветствия переходят вдруг с имен и прозвищ на цифры рот и батальонов, в которых состоят входящие...

– Здорово шышнадцатая! Здорово славная шестая! Здорово «четвертый»... – Сразу бросается в глаза, что собирается только молодежь не выше штабс-капитанского чина, и все же набирается до сорока человек. Каждого старшего из входящих все подчеркнуто «отчетливо» встречают, вставая и вытягиваясь, пока не кончалась церемония обычных приветствий. Заметно также, что офицеры избегают называть друг друга по имени и отчеству, а называют по прозвищам и именам, и только одни мы, «молодые», выдаем себя тем, что ко всем обращаемся с упоминанием чина.

Большая бильярдная комната, несмотря на свою неуютность, любимое место для сбора друзей.

Здесь обыкновенно рождались многочисленные планы и отсюда же начиналось проведение их в жизнь.

Здесь же, как узнаем, зародилась вчера мысль и нашего чествования – и первоначальное недоумение «молодых»... разъясняется.

Большие деревянные диваны, стоящие вдоль стен, и большой солидный бильярд с необходимыми принадлежностями – единственная обстановка этой комнаты, если не считать висящей вдоль стен длинной вереницы портретов бывших командиров полка, от Гордона, изображенного на старинной гравюре, до последнего командира, снятого в тифлисской, хорошо известной всем фотографии.

Диваны давно укомплектованы старшими офицерами. Младшие, не имея где присесть, стоят в независимых позах, попыхивая папиросами и ведут оживленную, дружескую беседу. Табачный дым поднимается облаками от этих групп и, временами, начинает походить на дымовую завесу, из-за которой, словно из тьмы веков, серьезно глядят лики старых боевых командиров. Сегодня полковая молодежь, к которой относились подпоручики, поручики и часть штабс-капитанов, не обремененных еще семейными обязанностями, – выбрала день для чествования или, как нам было объявлено, для ознакомления с молодежью.

Нас, «молодых» – восемь, прибывших из пяти военных училищ.

Ровно в девять часов, как было назначено, дверь, ведущая в большой квадратный, полуторасветный зал, распахнулась и на пороге показался хозяин собрания, поручик Гаврюша К., невысокого роста, худощавый брюнет, с черненькими усиками и маленькими, глубоко сидящими глазками.

– Пожалуйте, господа! – обратился он к собравшимся офицерам, приглашая их широким жестом в столовую. Никто не заставил себя просить дважды и все гурьбой направились через слабо освещенный, громадный зал к яркой полосе света, вырвавшейся из широко раскрытых дверей столовой.

Взору вошедших представилась прекрасная перспектива большой продолговатой, залитой светом столовой, посреди которой красовался длинный стол, накрытый белоснежной скатертью. Он был уставлен правильными рядами приборов великолепного кузнецовского фарфора, с тончайшей, художественной работы, полковыми вензелями. За приборами, в том же безукоризненном равнении, поместились хрустальные бокалы, стопки и рюмки. За ними, в центре стола, среди разного рода закусок и вин, возвышались прекрасные серебряные вазы с цветами – желтыми и красными. Все свободные в этом пространстве места заняты кубками, чарочками, азарпешами и турьими рогами, оправленными в серебро и золото. На каждом из

этих предметов дата, кем и когда сделан подарок в полковую сокровищницу. Столовая утварь, накопившаяся столетиями, представляла в полном смысле слова – сокровищницу. Кроме сотен комплектов серебряных приборов, оставшихся от каждого офицера, служившего в полку и обязанного иметь свой прибор, она имела еще массу ценных подношений от различных полков, городов и старых сослуживцев, делавших свои подношения в различные выдающиеся моменты полковой жизни. Но главными и ценнейшими были царские подарки – державных шефов, которые, кроме своей действительной стоимости, представляли собой высокохудожественные произведения искусства и исторические реликвии. Этих, последних, за столом нет. Они подаются лишь в особо знаменательных случаях, а посему красуются в громадном резном шкафе, специально привезенном из Венеции.

Когда все офицеры встали возле своих именных приборов и невольно стих шумный разговор, старший из присутствующих, едва уловимым наклоном головы попросил всех сесть. Зашуршали отодвигаемые стулья, сверкнули и заиграли отразившись в прозрачном хрустале яркие пуговицы и блестящие погоны, и каждый как бы в нерешительности и раздумьи задержался, предаваясь созерцанию красоты девственности сервированного стола.

Это продолжается момент, в который, однако, я улавливаю торжествующий взгляд моего визави поручика, которого все зовут Арчиллом, – брошенный моему соседу, тоже молодому.

«Каково, брат?» – одними глазами говорил Арчилл... и ошеломленный «молодой» ничего не отвечая, как бы растворился в восторженной улыбке.

– Господа! – произнес, поднимаясь, сидевший в голове стола старший, и все встали.

– Я поднимаю бокал за здоровье державного шефа полка, Его Императорского Величества Государя Императора! Ура!..

Громкое дружное ура огласило столовую и с рокотом перенеслось в пустой зал... и не успело еще замереть, как все запели хором, вдохновенный Z-ский марш...

– Господа! – раздался голос того же офицера. – Я предлагаю выбрать, по-кавказскому адату тулумбаша¹ и таковым предлагаю избрать Володю Дельского.

– Просим! Просим! – раздалось со всех сторон дружеские голоса. Этого оказалось достаточно и тулумбаш принял бразды правления в свои руки.

– Z-цы – Алаверды! – как бы скомандовал тулумбаш, и все буквально залпом выпалили – «Яхши-Ол».

«Учись, брат!» – одними глазами наставлял торжествующий Арчилл... и тотчас же поворачивался сам к тулумбашу и нарочито серьезно весь обращался «в слух».

– Господа! – тем временем говорил тулумбаш Володя. – Сегодня мы приветствуем молодые силы, влившиеся в наш старый, горячо любимый полк.

Этот день, всегда большое событие в нашей маленькой жизни. Для нас это подтверждение вещей слов нашей полковой песни: «Z-цев нас немало мертвых и живых, было... есть... и будет»... Мертвым слава и честь; это их трудами и их подвигом создавался избранный вами (при этих словах он выразительно обвел глазами «молодых») наш славный полк... Живые, это все мы, присутствующие и отсутствующие Z-цы готовые ежечасно, ежеминутно, поддержать честь и доброе имя наших славных предков и нашего седого, увенчанного славой полка. Уйдем или погибнем мы, полк не умрет. Нас заменят наши дети, внуки и правнуки... и «как в прошедшие века»... в минуты тяжелых испытаний полк только «сомкнет штыки»... и славным погибшим явятся на смену доблестные живые... Пример налицо... Господа! – возвысил голос тулумбаш, – в этом году все восемь выпущенные к нам в полк кончили свои училища портупей-юнкерами. Да здравствует наша славная молодежь!

Z-цев нас не мало —

¹ Тамада.

Мертвых и живых...
Было... есть... и будет... —

дружно и задорно взяли тенора.

Выпьем и за них... —

присоединились баритоны и басы.

Ура, Z-цы!
На картечи нам придется в бою лечи
Сам Бог повелел.
Сам Бог повелел. —

повторили басы и октавы.

С добрым духом! —

как бы поздоровавшись воскликнул тулумбаш.

Сомкнем штыки! —

отвечали все разом.

Z-цы! —

командовал тулумбаш... и все, выждав два счета, дружно выпаливали:

Пли!

И вновь, стоя, все исполняли хором полковой марш. Собранская прислуга, рослые красавцы в белых рубахах с белыми поясами и в белых перчатках, бесшумно подают и убирают, скользя, как тени. А тулумбаш не унимается, уже назначил себе помощника и потребовал, чтобы «молодые» от каждого училища сказали слово.

– Прошу младшего, – распорядился Володя.

Младшим оказался Павлон, за ним два Александровца, потом Одессец, потом Павлон, Тифлисец, Алексеевец и, наконец, самый старший из выпуска Тифлисец. Каждый сказал свое слово и каждому отвечал кто-либо из его старших однокашников.

Просты и бесхитростны были слова, никто не сказал ничего особенного, но всех выслушивали внимательно, даже напряженно. Когда кто-нибудь более удачно выражал свою мысль, немедленно слышались голоса:

– Как он говорит!

– Какой поэт!

– Второй Кикнадзе.²

И обычно после такой речи все затягивали комическую песнь:

Пушкин, Гоголь, Лермонтов и Ге-е-й-не

² Знаменитый талантливый тулумбаш, известный всей Кавказской армии.

А за ними современ-ны-е по-э-эты...

Тут все вставали, чокались с «поэтом» и продолжали:

Прославляют «наших» дам,
Ножки милых чудных дам,
Тра-та-ра-та-там,
Тра-та-ра-та-там,
Там-там...

Но чаще случалось, что поэтов не оказывалось. Красивая мысль, пришедшая в голову, не находила нужных слов для ее выражения и происходила заминка, – тогда все дружным «ура» выручали товарища из неловкого положения.

– Дорогой мой, вы не допивайте своего бокала до дна, вас не хватит, а опаздывать на службу у нас не полагается, – тем временем шли поучительные разговоры... или...

Арчилл, выпив на брудершафт с подпоручиком Четыркиным, торжественно ему заявлял:

– Ты, брат Четыркин, не грусти. – Хотя Четыркин и не думал грустить. – Тебе батальонный не замечание сделал, а только заметил, что у тебя очень «красивая» челка... У нас в полку ни челки, ни бакенбарды не полагаются... При мне был такой случай, – говорил Арчилл, – один наш офицер, сейчас он в Академии Генерального штаба, – отпустил себе «котлеты». Ему офицеры сказали раз, другой, – не помогло. Тогда устроили товарищеский ужин, на который пригласили и его. Ужин был в полном разгаре, когда к нему подошли четыре офицера, взяли его вместе со стулом и торжественно понесли на сцену... вот сюда, – указал он на сцену (столовая являлась в то же время зрительным залом). Хозяин собрания в этот момент поднял занавес и все увидели на сцене нашего полкового парикмахера Баграта, сидящего за столиком со всеми принадлежностями, направляющего бритву. Тут же на столе и горячая вода в чашечке, одним словом, все как полагается и... здесь на сцене, с его «согласия» – сбрили одну котлету...

– Ну, будь здоров, дорогой Коля, – протягивая бокал и чокаясь с молодым Александровцем, говорил Арчилл; а немного погодя, как ни в чем не бывало, добродушно предлагал: – Знаешь что, Четыркин, идем завтра вместе стричься...

Сто с лишком лет
Тому – как было,
Про что мы песню пропоем... —

мягким приятным тенором начинал помощник адъютанта – Саша – песнь про подвиг рядового Гаврилы Сидорова в Персидскую войну 1805 года, известный в истории под названием «живой мост», когда солдаты, увлеченные примером Сидорова, бросились в непроходимый для артиллерии овраг и по своим плечам перекатали орудия, причем сам Сидоров сорвавшимся вторым орудием был раздавлен.

Как умер егерь Гаврило,
Но память мы храним о нем.

И все, дружно вливаясь, подхватывали:

Лейб-гренадер удалой,
Ты люби свой полк родной
И для славы его не жалея ничего.

Неслась песнь, западая глубоко в душу, чтобы раз и навсегда покорить ее величием подвига, научить бескорыстной и беспредельной любви к Родине и к Полку, сложившему солдатскими талантами эти прекрасные песни, возвышающие душу своей отвлеченной красотой...

Мягко светит луна, озаряя полковой плац, памятник рядовому Сидорову и полковую церковь с хранящимися в ней знаменами...

Замирает на своем посту часовой, завидя приближающихся офицеров...

Тихо дремлет сосновый лес, распространяя свой тонкий упоительный аромат в горном ущелье над спящим Манглисом.

* * *

Несутся годы... В сосновом лесу у Паньской Нивы в Галиции раскинулся наш бивак...

Сзади... десять месяцев войны, десять месяцев напряжения всех физических и духовных сил, честно пройденный путь, отмеченный тысячами безвестных могил русских воинов, принявших смерть за Родину, гордое сознание исполненного долга... и клочки разрушенных надежд и несбывшихся мечтаний.

Впереди... – короткие перспективы: от боя – до боя.

Полк только что пропел вечернюю молитву и лес загомонил тысячами голосов. Зажглись костры; подъехали кухни и густо потянулся к небу дым бивачных костров и запах солдатского борща.

У палатки начальника команды разведчиков прапорщика Богдана С., важное совещание заговорщиков.

Необычайное происшествие. Одновременно из Петербурга приехал оправившийся от ран Четыркин и привез заказанный по телеграфу, для командира второго батальона Георгиевский крест; а из Львова, от Ханши С., матери Богдана, прибыла двуколка с винами, закусками и шампанским. Идет лихорадочная подготовка к импровизированному торжеству – подношения Георгия бывшему командиру второго батальона. Медлить нельзя... ибо «потеря времени смерти безвозвратной подобна».

На передовой линии, что в пяти верстах впереди, мертвая тишина, но тишина зловещая. Обстановка напряженная. Два батальона вызваны на ночь на поддержку передовых частей и уходят. Штаб полка перебирается ближе к фронту, и командир на торжестве быть не может. Тем паче, медлить нельзя...

Завтра может в эту пору
Нас на ружьях понесут... —

вспоминается каждому, и все спешат на маленькую поляну среди леса, где при тусклом свете двух фонарей накрыт стол. Конструкция стола оригинальна: прямоугольник, величиной с крышку большого стола, окопан канавкой. В эту канавку садящиеся за стол опускают ноги. Прямоугольник уже накрыт скатертью и на нем стоит все, «что бог послал».

В этот день «бог послал» очень тонкие деликатесы и прекрасные вина, и изголодавшиеся по вкусным вещам гастрономы, опуская в канавку ноги, одновременно одобрительно кричат и потирают руки.

Все офицеры двух оставшихся батальонов налицо. Их только десять. Среди деревьев мелькает силуэт виновника торжества... Это худощавый, сотканый из одних костей и мускулов человек, среднего роста, голубоглазый, светлый блондин, с мягкими расплывчатыми чертами лица. В нем не трудно признать уроженца далекого севера – он финн.

– Господа офицеры! – раздается команда, и все вытягиваются и замирают. Замирают с внутренней дрожью готовых вырваться наружу восторженных чувств к любимому командиру.

– Вольно! – небрежно отмахиваясь, говорит командир, спуская ногу в канаву и, ничего не подозревая, спрашивает: – Это по какому случаю такой парад? – Но увидя необычайную торжественность застывших поз и лиц, невольно останавливается и вытягивается сам.

– Господин полковник! – произнес старший офицер второго батальона таким торжественным тоном, что у хозяйственной двуколки, все денщики, повар и конюха, стоявшие в почтительном отдалении, невольно «берут под козырек», а повар, бывший без фуражки, приложил руку «к пустой голове».

– Господа офицеры второго батальона имеют высокую честь, в лице своего доблестного командира, приветствовать одного из тех полковых героев, имена которых занесены на, не знающие смерти, страницы полковой истории, вместе с описанием содеянных ими подвигов. Эти страницы – полковая гордость. Мы помним, какой надеждой окрылили вы весь полк своей ночной атакой 6 декабря... Это вы возвратили утраченное нами сердце и тем заслужили общую признательность.

Георгиевская Кавалерская дума, признала в вас того, «кто не только обязанность свою исполнял во всем: по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия особенным отличием»... и присудила вам орден Св. великомученика и победоносца Георгия. Мы горячо просим Вас принять на память от ваших боевых соратников, офицеров второго батальона, этот крест, – мечту каждого Русского офицера.

– Ай какая молодца! какой поэт! – едва успел выговорить командир, как попал в очередные объятия...

– Ну, господа, за дело. Лови момент, – нарушил торжество минуты Четыркин.

– Телесная пища необходима для поддержания бодрости духа, – чревовещательным басом изрек произведенный за боевые отличия из подпрапорщиков – прапорщик Богач.

Зажурчало разливаемое вино. Наполнились бокалы. Галицийский лес встрепенулся, услыша как растроганный русский офицер сказал немногосложный тост за своего государя. Лес выслушал ответное ура живых Z-цев и, одобрительно зашуршав своими далекими верхушками, принялся слушать их полковую песнь:

Я пью за первый батальон,
В нем шеф державный занесен
В списки родные.

* * *

Я пью за батальон второй,
Велик он славой боевой...
И командиром.

* * *

Я пью за третий батальон,
Не отставал и он ни в чем
На поле брани.

* * *

Лучами славы озарен
Стоит четвертый батальон
На Ардагане.

* * *

Я пью за наших кунаков,
H-цев молодцов Бегли-Ахмета.
Они умели славно жить,

Всегда отчаянно рубить
Врага без счета.

Уже много пробок шампанского с треском вылетело ввысь, когда чей-то денщик доложил:

– Так что ваше высокоблагородие, два молодых прапорщика изволили прибыть и просят разрешения явиться.

– Проси! Проси! – обрадовались все и навстречу прапорщикам направились два офицера.

Вот они, безусые юнцы, как прозвали их: два Аякса, в новенькой походной форме, со всеми ремнями и блестящими значками Алексеевского военного училища. Оба красавцы – высокого роста и совершенно не похожие друг на друга: типичный русский и типичный армянин.

– Ну, подсаживайтесь к нам, – задвигались все, – немного поздновато... да ничего, найдется чем накормить...

– Нас задержали в штабе дивизии, хотели послать в разные полки... насилу упросили.

– Мы вместе из одной гимназии, вместе кончили военное училище и хотели попасть в один полк...

– Правильное решение, – раздалось сочувственные голоса.

– Стало быть, вы два Аякса... – Ну-ка там... Иван... подать господам офицерам закусить с дороги...

– Прапорщик Богач! – подзуживали его офицеры. – Скажите ваше слово молодым офицерам...

Прапорщик долго отнекивался, но доброе вино, плотная закуска и полная непринужденность обстановки располагали к душевному излиянию... Богач, вдруг, поднялся во весь свой огромный рост и гаркнул:

– Z-цы – Алаверды!

– Яхши-Ол! – не замедлил ответ... и все насторожились.

– Господа молодые офицеры, позвольте мне поздравить вас с прибытием в славный Z-ский полк. Добро пожаловать! и будьте покойны, вы никогда не пожалуете, что попали к нам. У нас, можно сказать, полк отборный, и воюем мы без отказа. И начальство нами довольны, и солдаты нас уважают. Оно и вам полезно будет кой чему здесь поучиться. Здесь у нас, вроде, как школа. Смотришь, приходит офицер и взять с него нечего, а поживет, походит и каким героем становится... хоть куда. К примеру сказать, посмотрите сюда, – указал он на офицеров, сидевших в голове стола, из которых двое были подполковниками, а остальные не старше поручиков.

– Такие же были, как вы, а уже каждый орденами увешан... геройский все народ...

Здесь красноречие Богача иссякло; наступила пауза... Не найдя нужных слов, он еще раз выразительно взглянул на прапорщиков и произнес вразумительно и нежно:

– Того и вам, господа молодые офицеры, желаю.

На утро начался бой. Весь день лес сотрясался от гула разрывов и стрельбы. Кругом все рокотало... Громадный кровавый диск солнца уже коснулся своими краями синевшего вдали леса, когда на поляну, где вчера царило веселье, вышли санитары с окровавленными носилками.

На носилках покоилось безжизненное тело одного из тех, кого Богач именовал геройскими офицерами...

– Перемени ногу-то! Янулис! тебе говорю, али нет? – бурчал санитар... За носилками шел денщик убитого – Иван, он нес в руках офицерское снаряжение и фуражку своего барина и горькие слезы катились из его глаз...

Мелькает картина за картиной, и все двенадцать лет проходят печальной вереницей.

Париж... Мадлен... Я вижу вновь так изменившиеся за эти годы родные лица... Седина серебрит головы когда-то беспечной молодежи...

Скромные пиджаки и рабочие блузы сменили блестящую форму и прикрыли израненные тела...

Серьезны лица офицеров... плотно сжаты их губы и залегли глубокие морщины на мужественных гордых челах и думают они крепкую думу, слушая речь своего командира...

Сильно поредели ряды Z-цев. Где только нет их могил?.. В Августовских лесах, у прозрачных Мазурских озер, у медленно несущих свои воды – рек Бзуры и Буга, у Сморгони и Вильно, в широких степях Поволжья и на полях Кубани...

Блестят глаза старого командира, держащего речь к сомкнувшим ряды Z-цам... – «с бодрым духом!» – как бы говорят они... И наполняется сердце радостным волнением...

Буйный ветер сотрясает мою мансарду, как бы желая отвлечь мое внимание и нарушить тихую торжественность охватившего меня душевного состояния. Напрасно. Я берусь за перо; и, во исполнение параграфа пятого, только что принятого устава, начинаю эту книгу.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Вечерело. Ожесточенный бой за обладание маленькой польской деревушкой затихал.

Первыми притихли злорадно тарахтевшие пулеметы, ибо заманчивые цели в виде ровных длинных цепей то в серых, то в черных шинелях, уже давно закопались в землю, не имея сил перешагнуть через заветную черту победы.

Победителей сегодня не было, и противники, равно уставшие и изнемогшие от нервного напряжения в бою, постепенно прекращали огонь, и водворявшаяся тишина нарушалась лишь одиночными выстрелами любителей пострелять, да немецкая артиллерия изредка посылала очереди куда-то вдаль. Ее снаряды, жутко журча высоко, высоко над головой, совсем далеко разрывались, – так не громко и мягко... Казалось, что немцы кому-то не дослали известной порции снарядов и теперь, подсчитываясь, все ошибались в расчете и досылали недоданное.

Под крутым откосом обрыва, спускавшегося к реке, приютилась рота резерва. Около наколенных ям и ниш копошились люди. Их силуэты тем ярче обрисовывались на фоне догорающей за рекой деревни, чем становилось темнее. Слышались негромкие сдержанные голоса и суета.

– Пятая рота, в ружье! – донеслось громко откуда-то слева, и десятки голосов на разные лады повторили: – Пятая в ружье, пятая собирайся!

Перед глазами зарябили шныряющие фигуры, послышался лязг штыков, скользивших друг по другу при разборке винтовок из козел... застучали котелки, и отчетливо прозвучали голоса взводных: – Первый взвод ко мне! второй взвод стройся здесь!

– Ты, чертов турок, опять винтовку не найдешь... я тебе говорю, рожа, сказано, становись, пока карточка цела. – Из третьего и четвертого взводов доносились более энергичные выражения... и не прошло и пяти минут, как все затихло, и только отдельные фигуры маячили вдоль длинной змееобразной линии роты, построившейся у обрыва, применительно к местным условиям – без соблюдения особенного равнения. Слева, откуда донеслась первая команда, вспыхнул карманный электрический фонарик, и яркий эллипсис, появившийся на земле, стал приближаться к выстроившейся и замершей роте.

– Подпрапорщик Ковтун, у вас все готово? – прокричал молодой подпоручик, двигавшийся с электрическим фонариком.

– Точно так, ваше благородие! – пожалуйста сюда, не упадите только – здесь яма... Ишь, черти, накопили норы, – буркнул себе в бороду, басом, старый подпрапорщик, фельдфебель Ковтун.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.